

Расширение границ лексической сочетаемости как стилистический прием (на материале рассказов Л.Улицкой)

Часто языковые явления, которые в узуальной языковой практике считаются ошибкой, несоблюдением нормы литературного языка, становятся ярким стилистическим приемом, эффективно «работающим» в текстах талантливого мастера художественного слова.

Нарушение, или, точнее, расширение границ лексической сочетаемости, как стилистический прием имеет свои преимущества и свои сложности. Безусловно яркий и актуальный, этот прием заставляет мысль читателя, работающую в направлении осмысления сюжета, интриги (которая всегда присутствует в «малых» текстах Л. Улицкой), вбирать, впитывать новые грани реальности, которая до этого казалась уже устойчиво-осмысленной, той реальностью, которую предлагает увидеть автор. За незамысловатыми, на первый взгляд, сюжетами «просматривается» целая система познания, постижения, инновидения мира. И важную роль в создании этой системы, несомненно, играет названный уже стилистический прием – переосмысление традиционных направлений лексической сочетаемости.

Однако несомненно и то, что работа над таким приемом требует напряженного внимания. Новые синтагматические единицы, образованные путем пересечения семантических полей, ранее не имевших однозначных (утвержденных словарями или речевой практикой) или хотя бы прецедентных точек соприкосновения, должны «контролироваться» и естественно вплетаться в ход постижения читателем авторского инобытия, работать на «идею», и не должны оказываться направленными на себя. Ибо необычное сочетание, окказиональный образ как результат пересечения отдаленных семантических полей может оказаться слишком ярким, слишком самодостаточным и превратиться по сути в отдельный микротекст,

осмысление которого может препятствовать сопричастности динамике сюжета, идеи рассказа в целом.

Талантливый стилист, Л. Улицкая, на наш взгляд, сумела избежать подобных «подводных камней». Ей удалось мастерски, ярко использовать в текстах «малой» прозы возможности лексической сочетаемости, возможности обновления, изменения установленных в языковой и речевой традиции границ семантических полей не связанных ранее между собой в синтагмы понятий, лексем.

В процессе работы с текстами стало очевидно, что можно выделить несколько постоянно действующих схем, актуальных при реализации названного выше приема:

1. определение + определяемое: *толщей головкой, наполненная теплой котлетой и ужасной новостью, Виктория...* [1, 150], *недоношенным сюжетом* [1, 152], *на недоразвитой лесенке* [1, 153] и др.
2. объект + сравнение: *со временем, растянувшимся, словно ослабшая резинка* [1, 145]); *несгибаемой, словно вечность, сиюминутности* [1, 77] и др.
3. определение + обстоятельство, его уточняющее: *кто-то близкий и тайно злой* [1, 151] и др.
4. сказуемое + объект (... *торопливо сбрасывала с плеч хлопотливое упр...* [147]) и др.
5. подлежащее + сказуемое (*Котлеты были большие, честные, ... и исполнены с таким искусством...* [1, 150], *Посреди стола торжествовала вынутая из буфета вазочка...* [1, 11] и др.)

Наиболее частотными следует признать первые две схемы (особенно первую). Три последующие не столь активно участвуют в «работе», однако в результате формируют ёмкие и значительные по силе суггестии образы. (В последней группе, в некоторых примерах, правильнее будет даже говорить о метафоре). Кроме названных схем, можно отметить еще несколько достаточно ярких, однако в силу единичности примеров ограничимся пока

анализом первых схем, и, прежде всего, остановимся на наиболее продуктивной схеме, при «заполнении» которой стилистические возможности лексической сочетаемости реализованы в текстах рассказов Л. Улицкой наиболее эффективно и ярко. Речь идет о конструкции «определение + определяемое».

При рассмотрении реализации данной схемы в тексте оказалось, что названные сочетания можно разделить на группы, во-первых, по характеру опорных слов и, во-вторых, по типу формально присоединяемых, участвующих в «заполнении» схемы.

Группы сочетаний по характеру опорного слова:

1. Сочетание с опорным семантически абстрактным понятием (слова типа *душа, тьма, свет, детство, справедливость и др.*), которое обладает традиционно образной (субъективной), предсказуемо направленной сочетаемостью. Даже такая *маленькая и уютная тьма*, которая образовывалась в задвинутом скользящей крышечкой пенале, и та вызывала подозрение [1, с.146]. До сих пор не было случаев локализации *тьмы* по размеру или объему, так как *тьма* – явление отсутствия света [2, 818], абсолютное состояние пространства. Возможности сочетаемости слова *тьма* (по типу согласования) традиционно реализуются в узком направлении отражения негативной экспрессии воспринимающего – ужасная *тьма*, жуткая *тьма* и т.д. – или предельной полноты состояния пространства, названного этим словом, – *крошечная тьма, глубокая, непроглядная, сгустившаяся, окутавшая город* и т.д. «Окружение» этого слова, несомненно, предсказуемое. *Тьма* чаще всего связывается в представлении носителей языка с враждебностью, опасностью. И Гайка, героиня рассказа «Подкидыш» и данной ситуации, боится *тьмы*. Полученный за счет нарушения сочетаемости образ гиперболизирует этот страх. Даже то, что находится в пенале, в маленьком закрытом ящичке, для девочки – *тьма*. Даже такая *маленькая и уютная* – она пугает Гайку. Можно сказать, что здесь представлена сумма стилистических приемов: расширение

сочетаемости и сформировавшиеся на этой «почве» антитеза, логическая гипербола.

Кроме того, следует отметить созданный автором образ, в котором общепринятая враждебность и беспредельность тьмы словно подвергается сомнению: возможна тьма иная – маленькая и уютная [см. выше], укромная [1, 195], подстольная [1, 193], не черная, а серо-коричневая [1, 145]... Например, в рассказе «Ветряная оспа»: *Наверху, полупролетом выше, была укромная тьма перед низкой чердачной дверью* [1, 195]. Для героини рассказа, Тани Колывановой, она оказывается просто спасительной, необходимой.

В рассказе «Лялин дом» тьма – медлительная: *Она... все ждала минуты, когда можно будет выскользнуть на черную лестницу, заклиная медлительную тьму* [1, 77]. По сути, можно говорить о парадигме оригинальных эпитетов, составляющих образ. И не всегда за эпитетом стоит четкий ответ, возможность однозначного декодирования. Например, несложно понять, почему тьма в пенале *маленькая и уютная*, но отчего она *медлительная* в последнем примере? Возникают варианты решения. И тем более не кажется лишь необычно оцвеченной *серо-коричневая тьма*, когда в другом контексте найдем *серо-коричневый несолнечный свет* [1, 79]. Образ тьмы, несомненно, один из интереснейших и значимых в произведениях Л.Улицкой, и такой прием, как изменение традиционной сочетаемости, выдвигает, формирует неоднозначность этого образа.

К примеру, таким же неоднозначным, философски переосмысленным в контексте, определенно может считаться априори «высокий» и позитивный образ *справедливости*: *Она ... крепко уснула, совершенно уверенная, что никогда больше не проснется в этот мир злой и неисправимой справедливости* [1, 158].

2. Сочетание с семантически конкретным понятием широкой сочетаемости, обладающим перспективным запасом сочетаемости – незаполненными ячейками (сюда отнесем слова типа *небо, дети и др.*): с

десятком вертлявых жукастых детей [1, 142]. Данная группа на данном этапе нашей работы пока представлена наименьшим количеством примеров.

3. Сочетание с конкретным понятием ограниченной, сформированной, сочетаемости, обладающим в традиционном языковом представлении незначительными возможностями расширения семантических границ. Сюда отнесем слова типа *платье, шуба, котлеты, голова, рука, слово и др.* (в их прямом значении): высокомерная *рука* [1, 143], гордая *шуба* [1, 131], незначительное *пальто* [1, 113], незапятнанные *сапоги* [1, 113], развратные черно-бурые *лисицы* [1, 112], печальные *волосы* [1, 113], металлическая *лысина* [1, 113], ясноглазый *трамвай* [1, 124], зачаточная улыбка [1, 14], плоское, лысое, розовое, как блевотина, русское *слово* [1, 131], бессодержательные *галоши* [1, 149] и др.

Слова с точной семантикой, за которыми стоит зримый, осязаемый образ, обладают ожидаемым, предсказуемым «окружением». Например, *пальто* характеризуется внешним видом (включая субъективные оценки), действиями, производимыми с ним (грязное, тяжелое, серое, старое, отличное, добротное, поношенное, испачканное и т.д.), материалом, периодом использования, принадлежностью. Понятие *незначительный* трактуется в словаре как «небольшой по количеству, размерам» (сочетается со словами типа *сумма, ущерб* и т.п.), а также «не имеющий существенного, важного значения; ничем не замечательный, незаметный» (сочетается со словами типа *обстоятельство, личность* и т.п.) [2, 406]. При этом очевидно, что в контексте обыгрывается второе значение слова, именно *обыгрывается*, потому что, как видно из словарной дефиниции, слово в этом значении сочетается со словами книжного, абстрактного характера, указывая на их «незначимость» для субъекта оценки, их неспособность *оказывать влияние*. Незначительное пальто – это, как легко понять, пальто, не представляющее ничего особенного, возможно, очень дешевое. То есть содержание, механизм трансформации, безусловно, просматривается. Вызывает интерес и вопрос *цель* замены традиционных определений. То же самое можно сказать и об

иных случаях нарушения лексической сочетаемости в пределах данной группы, например:

Бессодержательный /словарное значение: бедный содержанием, мыслями [2, 46]/ + галоши;

Высокомерный /презрительно надменный [2, 119] → самонадеянный и кичливый → чрезмерно уверенный в себе, выражающий такую чрезмерную уверенность → заносчивый → чванный → полный тщеславия → стремящийся к славе, почитанию / + рука;

Развратный /занимающийся развратом, проникнутый развратом [2, 644]/ + лисицы (*... одной родительницы из родительского комитета с двумя разлегшимися на плечах **развратными** черно-бурыми лисицами...* [1, 112]) и т.д.

Авторское обыгрывание возможностей сочетаемости в этой группе, в отличие от подобной же работы со словами первой группы, отличается большей прозрачностью. Здесь в центре внимания оказывается формирование не собственно образов, как в первой группе, а «микрообразов», деталей, работающих на формирование «образов ситуаций».

Группы сочетаний по характеру присоединяемого слова:

1. присоединяется образное определение (*ясноглазый* трамвай и др.);

2. присоединяется абстрактное определение (не обладающее в узусе образностью или экспрессией): *незначительное* пальто, *бессодержательные* галоши и т.д.;

3. присоединяется конкретное определение, обладающее в узусе направленной закреплённостью за понятием или группой однородных понятий иного рода с определенными свойствами (в *жидком* скверике, *негнущееся* / *плоское* / *лысое* слово, *тощую* подушку). В данной группе диапазон стилистических пертурбаций идет от вполне «прозрачных» (*тощую* подушку) и восходит к ассоциативным кинетическим переосмыслениям (*негнущееся* слово), что впоследствии может послужить основанием к

выделению подгрупп в пределах данной группы. Данная группа является самой многочисленной, а механизм трансформации самым продуктивным.

Таким образом, одно из интереснейших направлений работы Л.Улицкой над языком произведения – формирование образности: воплощение идеи, концепции произведения, авторского мировидения за счет насыщения пространства текста, сюжетного «рисунка» авторскими «знаками». Такими знаками несомненно являются «образы», стоящие за синтагмами, образованными за счет расширения (или нарушения) границ лексической сочетаемости. Эти «знаки» – образы, микрообразы – не только требуют особого восприятия, но и делают воспринимающего соавтором, ибо «решая», расшифровывая эти сигналы, он творит свою реальность параллельно той, которую «читает». В этих «знаках», формирующих образность текста, фактически представлен диалог автора с читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улицкая, Л. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.
2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

РЕЗЮМЕ

Статья «Расширение границ лексической сочетаемости как стилистический прием (на материале рассказов Л.Улицкой)» посвящена одному из интереснейших направлений работы писателя над языком создаваемого текста – формированию оригинальной образности за счет богатейших возможностей лексической и лексико-семантической сочетаемости. В статье идет речь о расширении границ лексической сочетаемости в художественном пространстве «малой» прозы Л. Улицкой, о механизме и возможных причинах трансформации традиционных синтагматических связей. В статье предлагается попытка разграничения переосмысленных сочетаний в зависимости от характера опорного / присоединяемого слова.

Автор статьи также указывает на некоторые значимые, актуальные при реализации указанного стилистического приема схемы, подчеркивает важность расширения границ лексической сочетаемости в процессе формирования авторского иновидения и наделения его суггестивным потенциалом.

SUMMARY

The article "The extension of lexical compatibility as a stylistic device (based on the stories of L. Ulitskaya)" is dedicated to one of the most interesting trend of the writer's work on the language of art text – the formation of the original imagery due to the rich possibilities of the lexical and lexical-semantic compatibility. The article deals with the expansion of the borders of lexical compatibility within the art space of L. Ulitskaya "small" prose, the mechanism and the possible causes of the transformation of traditional syntagmatic relations. The article proposes an attempt of distinction of reconsidered combinations depending on the nature of the supporting / attachable word.

The author also points out at some important scheme, relevant for the implementation of this stylistic device, emphasizes the importance of extension of lexical compatibility boundaries in the process of the author's development of other vision and providing it with the suggestive potential.